
Елена К.
Мяу, я слышу тебя

Елена К.

Мяу, я слышу тебя

https://litres.ru/74598444
SelfPub; 2026

Аннотация

Здесь вы познакомитесь с Барсиком — необычным котом, который любит участвовать в детективных историях. Вместе с ним вы станете свидетелями того, как обычный субботний вечер превращается в важное событие, где старые радиоприёмники оживают, а голоса из прошлого наполняют настоящее.

Эта книга — о детективном расследовании. Много юмора и улик найдете вы в нашей истории.И не забудем о том, что память не исчезает бесследно, а живёт в каждом из нас, передаваясь от сердца к сердцу. Здесь нет места скучным фактам и сухим датам — только живые истории, согретые теплом человеческих отношений.

Эта книга — для всех, кто хочет сохранить живую историю. Для тех, кто не боится заглянуть в прошлое, чтобы лучше понять настоящее.

Содержание

Глава 1. Кекс, который всё усложнил 4
Глава 2. Тёща, полиция и кот-подозреваемый 9
Глава 3. Допрос с пристрастием и улика в полоску 14
Глава 4. Коробочка с секретом и гость, которого никто не ждал 19
Глава 5. Ключ, который не подходит ни к чему… или подходит ко всему 25
Глава 6. Барсик-сыщик и последняя улика 30
Глава 7. Сарай, сосед и правда, которая пахнет пирожками 34
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Мяу, я слышу тебя

Глава 1. Кекс, который всё усложнил

Суббота началась так мирно, что я даже заподозрила неладное. Обычно утро в нашем доме — это симфония из детского топота, гудения стиральной машины и возмущённого мяуканья Барсика, который считает, что его миску должны наполнять ровно в 7:03, не секундой позже. Но сегодня стояла подозрительная тишина. Ни топота, ни гудения, ни мяуканья. Даже соседский пёс, который каждое утро устраивает концерт у забора, сегодня взял выходной.

Я приоткрыла один глаз, потом второй, прислушалась и поняла: мир либо вымер, либо готовит мне ловушку. Натянув халат поверх пижамы (с котиками, потому что в 38 лет всё ещё можно носить пижамы с котиками — это моё право, как матери двоих детей), я осторожно прокралась на кухню. Барсик не занимал привычную позицию у миски. Не лежал на столе, не сидел на холодильнике, не висел на дверце шкафа. Его не было нигде.

«Может, сбежал к соседям? — подумала я. — Или его похитили за плохое поведение?» Но тут взгляд упал на дверь кладовки — ту самую, где хранились стратегические запасы:

мука, сахар, старые банки с вареньем, которое никто не ест, но выбросить жалко, и ключи от дачи. Дверь была чуть приоткрыта. А из щели тянуло чем-то… сладким.

— Барсик? — позвала я шёпотом, будто боялась спугнуть тишину. Ответа не последовало. Только сладкий запах становился всё настойчивее.

Я толкнула дверь. И замерла.

На нижней полке, среди банок с соленьями, старых веников и коробки с ёлочными игрушками (которые я каждый год обещаю разобрать, но так и не разбираю), лежал человек. В клетчатой рубашке, в старых сандалиях, с носком, сползшим на пятку. Лицо его было скрыто в тени, но я сразу узнала эти сандалии. Это был дядя Петя, сосед по даче, который неделю назад вышел за хлебом и не вернулся. Полиция уже успела его объявить пропавшим, а тёща — высказать мнение, что он просто сбежал от жены и теперь живёт где-то у любовницы.

— Ну вот, — пробормотала я, — тёща будет в восторге. Она ведь говорила: «Петя — человек безответственный». А теперь он лежит в моей кладовке.

Но это было ещё не самое странное. Из-за спины дяди Пети выглядывал небольшой кекс. Тот самый кекс, который я вчера испекла по бабушкиному рецепту, чтобы помириться с тёщей. И кекс был надкусан. С одного края. Будто кто-то попробовал и решил: «Ну, так себе, но есть можно».

— Барсик! — снова позвала я, уже громче. — Если это ты надкусил кекс, я тебя прощу, только появись! Ну проявись

же.

Тишина. Только сладкий запах становился всё навязчивее, будто кладовка решила устроить мне засаду из ностальгии и ужаса одновременно.

В голове вихрем проносились мысли: «Полиция? Скорая? А если он не мёртвый, а просто спит? А если он проснётся и скажет: Что за кекс?» Я осторожно приблизилась, стараясь не наступать на старые банки, которые, кажется, стояли там с советских времён. Наклонилась, прислушалась… Дыхания не слышно. Пульс искать я не решилась — вдруг проснётся и схватит меня за руку.

«Ладно, — подумала я, — сначала кекс. Потом дядя Петя». Я схватила кекс и отнесла его на стол, будто это могло как-то всё упростить. Теперь у меня был кекс и труп в кладовке. И ни одной идеи, что с этим делать.

Именно в этот момент дверь в кладовку с грохотом распахнулась, и на пороге появилась тёща с неизменной сумкой через плечо. Хотя на самом деле это моя свекровь , но както мы в шутку назвали ее моей тещей. И шутка неожиданно пришлась ко двору и ко времени как говорят. И теперь я зову ее именно так. Хотя многих это и изумляет но привычка это самая упрямая в мире вещь. Да простит меня факт, которому и относится это изречение.

Сумка была тяжёлой — я знала это по тому, как она её носила: слегка наклоняясь вперёд, будто боролась с невидимым ветром.

— Марина, ты там скоро? — строго спросила она, оглядывая помещение. — Я же говорила, что к обеду нужно всё убрать! У нас сегодня гости, а тут бардак!

Я молча указала на нижнюю полку. Тёща проследила за моим пальцем, моргнула, потом ещё раз, будто пыталась переключить фокус зрения.

— Это что, Петя? — уточнила она, словно проверяя, не галлюцинация ли это.

— Похоже на то, — кивнула я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Тёща всплеснула руками, и сумка чуть не соскользнула с плеча.

— Какой ужас! Немедленно звони в полицию! И что это за кекс? Он что, надкусан?

Я вздохнула и достала телефон. Экран засветился, и я вдруг поняла, что не знаю, какой номер набирать. «112»? «02»? Или сначала позвонить мужу, чтобы он сказал, что делать?

— И ещё, — добавила тёща, уже тише, будто не хотела, чтобы дядя Петя услышал, — если это он надкусил кекс, то я ему этого не прощу. У него диабет, он не должен есть сладкое!

Я нажала «112» и поднесла телефон к уху. В трубке зазвучали гудки. А где-то в глубине квартиры раздался тихий, но очень узнаваемый звук: скрежет когтей по полу. Барсик наконец-то вышел из укрытия. И судя по его виду, он знал

куда больше, чем хотел показать.

Кажется, мой обычный день превратился в нечто более увлекательное, чем я могла себе представить. А ведь всё начиналось с простого желания испечь кекс для семейного обеда…

Глава 2. Тёща, полиция и кот-подозреваемый

Гудки в трубке тянулись так долго, что я успела мысленно составить три версии событий: «Он просто спит», «Это розыгрыш», «Я сейчас всё объясню». Наконец, спокойный женский голос спросил:

— Служба спасения, слушаю вас. Что у вас случилось?

Я открыла рот, закрыла, снова открыла. Слова рассыпались, как мука из надорванного пакета.

— У меня… в кладовке… дядя Петя… — выдавила я. — Он пропал неделю назад, а теперь лежит у меня. И ещё кекс. Надкусан.

На том конце провода повисла пауза. Потом голос стал чуть мягче:

— Гражданка, вы в состоянии назвать точный адрес?

Пока я диктовала улицу и номер дома, тёща металась по коридору, как штормовой ветер по пляжу.

— Марина, ну что ты им про кекс рассказываешь! — шипела она. — Это вообще не главное! Главное — человек!

— Тёща, но кекс тоже важен! — возразила я. — Его кто-то надкусил!

— Да мало ли кто! Может, мыши! — отрезала она, но тут же осеклась, потому что из-за угла выглянул Барсик. Вид у

него был подозрительно сытый, усы слегка припудрены чем-то золотистым.

«Мука?» — мелькнуло у меня. Или… крошки от кекса?

Барсик зевнул, будто хотел сказать: «Не смотрите на меня так. Я просто мимо проходил».

— Ты?! — ахнула тёща, тыча пальцем в кота. — Это ты надкусил кекс?!

Барсик фыркнул, развернулся и гордо удалился в сторону кухни, оставив нас с тёщей наедине с трупом и чувством, что день катится под откос быстрее, чем кастрюля с кипятком по лестнице.

Через двадцать минут в дверь позвонили. Не один раз, а настойчиво, по-деловому: три коротких, один длинный.

Я посмотрела на тёщу. Она посмотрела на меня.

— Наверное, полиция, — прошептала я.

— Ну, наконец-то, — вздохнула она. — А то стоим тут, как две дуры, и на кекс смотрим.

Я пошла открывать. На пороге стояли двое: высокий мужчина в форме и женщина в штатском, с папкой в руках. У женщины были такие внимательные глаза, что я сразу почувствовала себя виноватой — даже в том, что вообще испекла этот кекс.

— Вы звонили по поводу обнаружения тела? — спросила женщина.

— Да, — кивнула я, отступая в коридор. — Проходите. Только… тут тёща. И кот. И… кекс.

Женщина в штатском подняла бровь, но ничего не сказала. А вот тёща не выдержала:

— Это не мы его туда положили! — заявила она с таким жаром, будто её уже собирались арестовать. — Мы вообще только пришли! И кекс я не трогала!

Полицейские переглянулись. Высокий достал блокнот.

— Давайте по порядку, — сказал он. — Кто обнаружил тело?

— Я, — призналась я. — Но сначала я нашла кекс. А потом дядю Петю. Или наоборот. Я уже запуталась.

— А кекс где? — вдруг спросила женщина в штатском.

Я указала на стол. Кекс лежал там, одинокий и слегка обиженный, будто понимал, что стал частью большого скандала.

— Его кто-то надкусил, — пояснила я. — Вот здесь.

Полицейский наклонился, присмотрелся.

— Следы зубов, — констатировал он. — Человеческие или…

Он посмотрел на Барсика, который устроился на подоконнике и делал вид, что он тут вообще ни при чём, просто любовался видом.

— Кот, — вздохнула тёща. — Это всё кот.

Барсик лениво дёрнул ухом, будто говорил: «Ну, если надо, пусть будет кот. Мне не жалко».

Дальше всё пошло как в плохом детективе, только с запахом ванили и старой мебели. Полицейские осмотрели кладовку, задали миллион вопросов, записали мои показания,

потом показания тёщи (которые звучали как обвинительная речь в адрес всех соседей сразу), и наконец, когда казалось, что хуже уже быть не может, в дверь снова позвонили.

На этот раз это был муж. Он стоял на пороге с пакетом из супермаркета и выражением лица человека, который зашёл не в тот фильм.

— Привет, — сказал он, переводя взгляд с полицейских на тёщу, потом на меня, потом на кекс. — Я купил молоко. А что тут происходит?

Тёща всплеснула руками:

— Вот, наконец-то хоть один нормальный человек! Объясни им, что мы не убийцы!

Муж поставил пакет, потёр переносицу и посмотрел на меня:

— Марина… а ты опять влезла в какую-то историю?

Я хотела сказать, что это не я, это кекс, это кладовка, это дядя Петя… но вместо этого просто кивнула.

— Немного, — призналась я.

Муж вздохнул, будто знал, что этот день не будет обычным, ещё когда выходил из дома.

А Барсик, воспользовавшись всеобщим замешательством, тихо подкрался к кексу, схватил его и исчез в тёмном углу коридора.

— Эй! — крикнула тёща. — Верни кекс! Это улика!

Но Барсик уже растворился в полумраке, унося с собой главную загадку дня.

И вот тогда я поняла: расследование только начинается. И, кажется, главный подозреваемый — мой собственный кот.

Глава 3. Допрос с пристрастием и улика в полоску

Полицейский в форме, тот самый высокий, что первым вошёл в квартиру, посмотрел в сторону тёмного коридора, куда унёсся Барсик, и вздохнул так, будто за свою карьеру повидал всякое: и сбежавших попугаев, и подозрительные банки с огурцами, и даже один раз — торт, который кто-то пытался выдать за вещественное доказательство.

— Кот унёс улику, — констатировал он, записывая что-то в блокнот. — Это… нестандартно.

Тёща поджала губы:

— Да какой он кот! Это рецидивист! Я всегда говорила: взгляд у него хитрый.

Барсик из темноты коридора фыркнул, будто хотел сказать: «Я тут вообще мимо проходил, это всё кекс виноват».

Женщина в штатском, которую, как выяснилось, звали Елена Сергеевна, присела на табуретку у стола — самую шаткую, ту, на которой мы обычно стояли, чтобы достать банку с верхней полки. Табуретка скрипнула, но выдержала. Елена Сергеевна посмотрела на меня внимательно, как учительница на ученика, который клянётся, что домашнее задание съел хомяк.

— Давайте ещё раз, — мягко сказала она. — Спокойно.

Вы пришли в кладовку. Что было первым: кекс или дядя Петя?

Я задумалась. В голове всё смешалось: запах ванили, шорох старых банок, тёщино «а я говорила», и этот нелепый надкушенный бок кекса.

— Честно? — призналась я. — Сначала я почувствовала запах. Сладкий. Потом увидела кекс. А потом… уже дядю Петю.

Елена Сергеевна кивнула, будто это была самая логичная цепочка в мире.

— А почему вы вообще пошли в кладовку?

— Потому что Барсика не было, — ответила я, покосившись в темноту. — Он всегда первым делом идёт к еде. А тут тишина. И дверь приоткрыта. Вот я и подумала…

— Что кота похитили? — с лёгкой усмешкой уточнила Елена Сергеевна.

— Ну, или он опять что-то натворил, — вздохнула я. — В прошлый раз он стащил пакет с кормом и устроил склад под ванной. Мы его три дня оттуда выманивали.

Муж, который всё это время стоял у двери, будто боялся войти глубже в квартиру и стать соучастником, наконец подал голос:

— Может, это вообще не дядя Петя? Может, это манекен? Или… ну, знаете, такие тренировочные тела для спасателей?

Высокий полицейский посмотрел на него с уважением:

— Хорошая версия. Но у этого «манекена» были свои сан-

далии. И носок сполз. Манекены так не делают.

Муж потёр переносицу и тихо сказал мне:

— Марина, скажи, что это просто очень реалистичный розыгрыш.

Я хотела бы сказать. Правда хотела. Но кладовка, кекс и тёща, которая уже начала составлять список всех соседей, кто «всегда косо смотрел», как-то не располагали к розыгрышам.

В этот момент из темноты коридора снова появился Барсик. Без кекса. Зато с видом кота, который только что совершил преступление века и теперь пытается выглядеть невинным. Он подошёл к Елене Сергеевне, потёрся о её ногу и уставился на неё огромными глазами, будто говоря: «Я вообще не при делах. Спросите вон ту банку с вареньем».

Елена Сергеевна осторожно погладила его между ушами.

— И часто он так улики прячет? — спросила она, глядя на меня.

— Только если считает их едой, — пробормотала я. — Или если думает, что мы хотим их у него забрать.

Тёща всплеснула руками:

— Так мы же не забираем! Мы хотим, чтобы он вернул! Это же улика!

Барсик зевнул, будто вся эта суета его ужасно утомляла.

Елена Сергеевна встала, закрыла блокнот и посмотрела на всех нас по очереди — на меня, на мужа, на тёщу, на кота.

— Сейчас приедет следственная группа, — сказала она

спокойно. — Они осмотрят место, возьмут пробы, всё зафиксируют. А вам пока лучше не трогать ничего в кладовке. И… постарайтесь не давать коту ничего есть. Нам нужно понять, что именно он съел.

Тёща открыла рот, чтобы что-то возразить, но муж её опередил:

— Понял. Никаких вкусняшек. Даже если будет смотреть вот так.

Он показал на Барсика, который как раз снова принял позу «я умираю от голода, но это не точно».

Высокий полицейский достал перчатки и начал аккуратно осматривать полки в кладовке, стараясь не задеть банки, которые, кажется, стояли там с тех времён, когда мы ещё верили, что будем каждый год делать заготовки.

А я вдруг поймала себя на мысли, что среди всех этих банок, старых газет и коробок с ненужными вещами есть одна деталь, которую я раньше не замечала. На верхней полке, прямо над тем местом, где лежал дядя Петя, стояла маленькая жестяная коробочка с надписью «Пуговицы». Но я точно знала: пуговиц там не было. В этой коробочке я хранила бабушкины серьги — те самые, с янтарём, которые я надевала только на Новый год.

И сейчас коробочка была приоткрыта.

Я тихонько подошла к кладовке, стараясь не мешать полицейским, и заглянула внутрь. Серьги лежали на месте. Но рядом с ними… был кусочек ткани. Тёмный, грубый, похо-

жий на кусочек старой рубашки.

Я замерла.

«Это не моё», — пронеслось у меня в голове.

Я посмотрела на мужа. Он как раз доставал из пакета молоко и ставил его в холодильник, будто это было самое важное дело в мире. Потом на тёщу — она что-то горячо объясняла высокому полицейскому, размахивая руками. Потом на Барсика. Тот устроился на подоконнике и делал вид, что он тут вообще ни при чём.

Но я-то знала: коты не кладут вещи в коробочки.

Значит, кто-то был здесь до меня. Кто-то, кто рылся в кладовке. Кто-то, кто мог знать про коробочку. Кто-то, кто мог…

Я не успела додумать. Елена Сергеевна подошла ко мне и тихо спросила:

— Вы что-то заметили?

Я кивнула и показала на коробочку.

— Это не моя находка, — прошептала я. — Но, кажется, она может быть важной.

Елена Сергеевна посмотрела на коробочку, потом на меня — и в её взгляде появилось то самое выражение, которое бывает у людей, когда они понимают: история становится интереснее.

— Спасибо, — сказала она. — Это действительно важно.

И я вдруг почувствовала, что, возможно, из обычной женщины, которая просто хотела испечь кекс.

Глава 4. Коробочка с секретом и гость, которого никто не ждал

Елена Сергеевна надела перчатки, достала из сумки прозрачный пакетик и аккуратно переложила в него кусочек ткани из коробочки. Потом посмотрела на меня так, будто я только что сдала ей контрольную на пять с плюсом, и сказала:

— Молодец, что заметили. Это может быть очень важной деталью.

Тёща, которая всё это время стояла рядом и нервно теребила ремешок сумки, тут же встрепенулась:

— А что это за ткань? Откуда она? Это от рубашки дяди Пети? Он всегда ходил в клетчатом!

Высокий полицейский, который как раз закончил осматривать полки, покачал головой:

— Ткань не клетчатая. Скорее однотонная, тёмносиняя. Грубое плетение, похоже на рабочую одежду.

— Или на халат, — добавила я, вспомнив, что у соседки снизу был такой — старый, выцветший, она в нём на даче копалась. — Или… на куртку охранника. У нас во дворе один такой ходит, вечно чтото проверяет.

Елена Сергеевна кивнула, ничего не записывая, но я видела, как у неё в голове щёлкнуло: «запомнить».

— Хорошо, — сказала она. — Будем проверять все варианты. А пока… — она посмотрела на кладовку, потом на нас, — постарайтесь не мешать следственной группе. И кота держите под присмотром.

Барсик, услышав слово «кот», сделал вид, что он вообще не здесь. Он сполз с подоконника и исчез гдето за стиральной машиной — туда, куда обычно прячутся все, кто не хочет участвовать в разговорах.

Муж наконецто перестал переставлять молоко из одной полки в другую и подошёл ко мне.

— Марина, — тихо сказал он, — ты уверена, что ничего не упускаешь? Может, ты ещё чтото видела? Какойнибудь странный след, чужую вещь…

Я задумалась. В голове снова пронеслись картинки: приоткрытая дверь кладовки, сладкий запах, надкушенный кекс, дядя Петя в старых сандалиях… И тут меня будто током ударило.

— Банка! — воскликнула я. — Та, с надписью «Грибы»! Я же точно помню: мы грибы не собирали. Ни в этом году, ни в прошлом. А банка стояла прямо над дядей Петей.

Полицейские переглянулись. Высокий снова пошёл к кладовке, осторожно отодвинул пару коробок и достал ту самую банку. Этикетка была потрёпанная, будто её много раз трогали руками. На стекле виднелся лёгкий отпечаток пальца — не чёткий, но заметный.

— Интересно, — пробормотал он. — Очень интересно.

В этот момент в прихожей снова раздался звонок в дверь. Такой настойчивый, будто звонили не в квартиру, а в колокол.

Мы все замерли. Даже Барсик изза стиральной машины высунул ухо, прислушиваясь.

— Кто это может быть? — прошептала я.

Муж пожал плечами:

— Может, соседка? Или курьер? Хотя какой курьер в такой день…

Тёща поджала губы:

— Если это журналисты — я им не открою. Я вообще никому не открою!

Но открывать пришлось мне. Я подошла к двери, посмотрела в глазок — и чуть не отпрянула.

На лестничной площадке стояла Зинаида Степановна, старшая по подъезду. В руках у неё была корзинка, накрытая полотенцем, а лицо было такое, будто она только что раскрыла заговор века и теперь пришла делиться сенсацией.

Я медленно открыла дверь.

— Зинаида Степановна? — выдавила я. — А вы что тут…

Она не дала мне договорить. Протиснулась мимо, едва не сбив меня с ног, и сразу заявила:

— Я всё знаю! В лифте сказали, что у вас тут полиция! И труп! И кекс!

Тёща застонала, будто услышала самое страшное слово на свете.

— Откуда в лифте знают?! — возмутилась она.

Зинаида Степановна только махнула рукой:

— Лифт знает всё. Особенно если в нём сидят бабушки с третьего этажа.

Она поставила корзинку на стол, откинула полотенце — и там оказались пирожки с капустой. Горячие, с золотистой корочкой, от которых сразу запахло домом, детством и всеми семейными праздниками сразу.

— Вот, — сказала Зинаида Степановна. — Принесла. Для сил. И чтобы вы не думали, что я тут просто сплетни собирать пришла.

Елена Сергеевна, которая как раз вернулась из кладовки, посмотрела на пирожки, потом на Зинаиду Степановну — и вдруг улыбнулась. Впервые за всё время.

— Спасибо, — сказала она. — Это, кстати.

А Зинаида Степановна уже оглядывала квартиру, подмечая каждую деталь: полицейских, приоткрытую кладовку, тёщу, которая пыталась спрятать сумку за спину, будто там было чтото компрометирующее.

— Так, — протянула она. — Значит, дядя Петя. В кладовке. И кекс надкушен. А кто надкусилто?

Все взгляды тут же метнулись к стиральной машине, изза которой снова выглянул Барсик. Вид у него был такой, будто он понял, что пирожки — это не ему, и теперь готов был на всё ради хотя бы одной корочки.

— Кот, — вздохнула тёща. — Это всё кот.

Зинаида Степановна прищурилась:

— Не верю. У кота зубы другие. Я у своего проверяла.

Высокий полицейский едва заметно улыбнулся, но тут же снова стал серьёзным.

— У нас тут вещественные доказательства, — напомнил он. — И версия про кота пока не подтверждена.

В этот момент из коридора донёсся тихий, но очень характерный звук: скрежет когтей по линолеуму. Барсик выбрался из укрытия, обошёл всех по широкой дуге и направился прямиком к корзинке с пирожками.

— Эй, нет! — крикнула тёща. — Пирожки не для него!

Но Барсик уже прыгнул. Не на корзинку — на табуретку. С табуретки — на стол. И в тот самый момент, когда он приземлился, изпод полотенца чтото выпало.

Маленький ключик. Бронзовый, старинный, с витой бородкой. Он звякнул о столешницу и замер.

Зинаида Степановна побледнела.

— Это… не моё, — прошептала она. — Я такого не клала.

Елена Сергеевна тут же наклонилась, снова достала пакетик и аккуратно подняла ключик.

— Вы уверены? — спокойно спросила она.

Зинаида Степановна замотала головой так энергично, что заколка чуть не слетела с её волос.

— Абсолютно! Я только пирожки несла! И всё!

Муж посмотрел на меня, я — на него. В глазах у обоих читалось одно и то же: «День становится всё страннее».

А Барсик, воспользовавшись всеобщим замешательством, тихо стащил один пирожок, спрыгнул со стола и исчез в коридоре, унося с собой ещё одну улику — или просто ужин.

И тут я вдруг поняла одну вещь. Если в кладовке был чужой кусочек ткани, на полке — чужая банка, а теперь ещё и чужой ключик выпал из чужой корзинки… значит, ктото очень старательно.

Глава 5. Ключ, который не подходит ни к чему… или подходит ко всему

Елена Сергеевна положила пакетик с ключиком в папку, будто прятала маленькую загадку, и посмотрела на Зинаиду Степановну уже не как на соседку с пирожками, а как на важный элемент головоломки.

— Расскажите, пожалуйста, — спокойно сказала она, — откуда у вас эта корзинка? Давно она у вас?

Зинаида Степановна схватилась за край стола, будто боялась упасть.

— Да лет десять уже! — выпалила она. — Ещё от свекрови осталась. Я в ней рассаду возила, потом варенье, а теперь вот пирожки… А ключик-то точно не мой! Клянусь!

Тёща, которая до этого стояла, скрестив руки, и смотрела на Зинаиду так, будто та пришла не с пирожками, а с повесткой в суд, вдруг смягчилась:

— Ну, не кричи ты. Видим, что не твой. Тут у нас вообще день такой: что ни тронь — сразу улика.

Высокий полицейский, которого, как я только сейчас заметила, звали Андрей Петрович, аккуратно потрогал банку с «грибами» и пробормотал:

— Отпечаток на стекле… надо будет снять. И ткань про-

верить. И ключик.

Я посмотрела на мужа. Он стоял у окна, будто пытался найти там подсказку — ну, знаете, как в фильмах: герой смотрит в окно, и ему вдруг всё становится ясно. Но за окном только двор, детская площадка и дворник дядя Миша, который подметал листья так старательно, будто надеялся замести все тайны района.

— Марина, — тихо сказал муж, — а ты не думаешь, что… может, это всё как-то связано? Кладовка, кекс, ткань, теперь ещё и ключик?

Я кивнула. В голове наконец-то начала складываться какая-то картина, хоть и кривая, как полка в нашей кладовке.

— Думаю, — призналась я. — Кто-то что-то прятал. Или искал. Или… хотел, чтобы мы это нашли.

В этот момент из коридора снова появился Барсик. Без пирожка. Зато с видом кота, который только что совершил подвиг и теперь ждёт похвалы. Он подошёл ко мне, боднул руку и уставился на меня своими огромными глазами, будто хотел сказать: «Я тут всё проверил. В квартире три подозрительных запаха, один из них — от ключа».

— Ты где был? — шёпотом спросила я.

Барсик фыркнул, будто «где был» — это слишком личное, и запрыгнул на подоконник. Там он сел, поджал лапы и стал наблюдать за происходящим, как строгий судья.

Зинаида Степановна всё ещё оправдывалась:

— Я правда не клала этот ключик! Может, он там давно

лежал? Может, между прутьев застрял? А сегодня выпал, когда я корзинку тряхнула!

Елена Сергеевна кивнула, не споря, но я видела: она всё записывает. Даже то, как Зинаида Степановна теребит край полотенца.

— Хорошо, — сказала она. — Мы проверим. А пока… постарайтесь не трогать корзинку. И ничего не убирайте.

Тёща вздохнула так тяжело, будто на неё повесили всю ответственность за сохранность улик в районе.

— Ладно, — проворчала она. — Только пусть этот… ключ… не лежит тут как приманка для кота.

Андрей Петрович усмехнулся — впервые за весь день:

— Кот у вас, похоже, главный криминалист. Всё нюхает, всё таскает.

— Он не криминалист, — буркнула тёща. — Он вредитель.

Барсик на подоконнике дёрнул ухом, будто: «Ну, если так, то я вредитель. Мне подходит».

В прихожей снова раздался звонок. На этот раз короткий, резкий, как будто звонили не в дверь, а в тревожную кнопку.

Мы все переглянулись. Даже Барсик приподнял голову.

— Опять кто-то? — прошептала я.

Муж пошёл к двери, по дороге поправил рубашку, будто собирался не открывать, а выступать с докладом. Посмотрел в глазок, поморщился и тихо сказал:

— Это соседка с пятого этажа. Та, что всё время жалуется

на шум.

— Пусть жалуется! — всплеснула руками тёща. — У нас тут труп, а она на шум жалуется!

Но муж всё-таки открыл. На пороге стояла Лидия Павловна — в пальто, с сумкой на колёсиках и таким лицом, будто она только что выиграла спор с управляющей компанией и теперь готова к новым подвигам.

— Здравствуйте, — строго сказала она, глядя не на мужа, а куда-то в глубину квартиры, туда, где стояли полицейские. — Я хотела поговорить насчёт шума. У меня сегодня мигрень, а у вас тут… какое-то движение.

Елена Сергеевна вышла вперёд и представилась. Лидия Павловна побледнела, схватилась за сумку и прошептала:

— Труп? В кладовке?

— Пока не разглашаем, — спокойно ответила Елена Сергеевна. — Но да, ведётся проверка.

Лидия Павловна вдруг наклонилась вперёд и прошептала так, что услышала даже я, стоявшая в другом конце комнаты:

— А я видела! Вчера вечером! Кто-то ходил у вашей кладовки! В тёмной куртке! Я ещё подумала — странно, ведь кладовка-то закрыта!

Мы с мужем замерли. Тёща перестала ворчать. Даже Зинаида Степановна забыла про пирожки.

— Вы уверены? — спросила Елена Сергеевна, доставая блокнот.

— Абсолютно! — заявила Лидия Павловна. — Я как раз

выносила мусор. И видела тень. И слышала шорох. А потом дверь кладовки чуть приоткрылась, и кто-то быстро ушёл по коридору. Я ещё хотела крикнуть: «Эй, ты что там делаешь?», но… побоялась.

Андрей Петрович кивнул:

— Это очень важная информация. Вы сможете описать человека? Рост, одежда, что-нибудь ещё?

Лидия Павловна задумалась, потёрла виски — видимо, мигрень всё-таки давала о себе знать — и сказала:

— Роста среднего. Куртка тёмная, вроде синей. На голове… кажется, кепка. Или капюшон. Точно не скажу.

Я вспомнила кусочек ткани из коробочки — тёмносинюю, грубую. Сердце ёкнуло.

«Та же куртка?» — пронеслось у меня в голове.

Елена Сергеевна посмотрела на меня, будто почувствовала, о чём я думаю, и тихо сказала:

— Не спешите с выводами. Но совпадение… заметное.

В этот момент Барсик спрыгнул с подоконника, прошёлся по комнате, остановился у корзинки Зинаиды Степановны, понюхал её, фыркнул и направился прямиком к кладовке. Там он сел перед дверью, уставился внутрь и начал громко мяукать — так, будто требовал: «Откройте!

Глава 6. Барсик-сыщик и последняя улика

Барсик мяукал всё настойчивее, будто знал, что именно в кладовке скрыта разгадка всех сегодняшних событий. Елена Сергеевна посмотрела на него с уважением:

— Похоже, ваш кот действительно главный эксперт по расследованиям.

Андрей Петрович достал телефон и начал кому-то звонить:

— Подкрепление нужно?

— Да, — кивнула Елена Сергеевна. — И специалиста по замкам.

Пока ждали, все замерли в ожидании. Даже Зинаида Степановна перестала теребить полотенце и замерла с пирожками в руках. Лидия Павловна, которая всё ещё стояла на пороге, вдруг побледнела:

— А если это кто-то из наших соседей? Я же говорила, что видела тень!

— Мы разберёмся, — спокойно ответила Елена Сергеевна. — Но пока прошу всех оставаться на местах.

Барсик тем временем не терял времени. Он обошёл кладовку по кругу, принюхался к полу, потом запрыгнул на верхнюю полку и начал скрести когтями по пыльной поверх-

ности.

— Что он там делает? — удивилась тёща.

— Возможно, пытается что-то найти, — предположил Андрей Петрович. — Или оставить след.

В этот момент дверь в кладовку тихо скрипнула, и все напряглись. Барсик спрыгнул вниз, приземлился точно в центр комнаты и уставился на нас с видом победителя.

Через пять минут приехал специалист по замкам. Он быстро осмотрел дверь, поколдовал над замком и открыл её.

— Странно, — пробормотал он. — Замок не взломан. Похоже, его открыли ключом.

Елена Сергеевна достала пакетик с ключом и показала специалисту:

— Вот этим?

— Возможно, — кивнул тот. — Но это не объясняет, как он попал в кладовку.

Барсик снова запрыгнул на подоконник и начал вылизываться, будто говорил: «Я всё сделал правильно. Теперь ваша очередь».

— А что, если это не ключ от замка? — вдруг сказала тёща. — Может, это ключ от какого-то тайного хода?

— Давайте сначала найдём этот ход, — вздохнула Елена Сергеевна. — А потом будем думать о тайнах.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Барсик вдруг рванул к корзинке Зинаиды Степановны, схватил один пирожок и с победным видом скрылся за стиральной машиной.

— Эй! — возмутилась Зинаида Степановна. — Это же мои пирожки!

Но никто не обратил на неё внимания. Все были заняты более важными делами.

— Марина, — тихо сказал муж, — кажется, этот день никогда не закончится.

— А я говорила, что не стоит печь этот кекс, — вздохнула тёща. — Теперь вот расхлёбываем.

В этот момент в дверь снова позвонили. На этот раз звонок был таким настойчивым, что казалось, будто кто-то пытается выбить дверь ногами.

— Кто ещё? — простонала тёща.

Но открывать пришлось мне. На пороге стоял тот самый дворник дядя Миша с метлой наперевес.

— Там, — указал он куда-то за угол дома. — Опять что-то странное. То ли кошка, то ли человек в тёмной куртке. И точно не одна.

Мы все переглянулись. Барсик спрыгнул с подоконника, сделал вид, что это не он только что украл пирожок, и направился к выходу.

— За ним! — скомандовала Елена Сергеевна. — Возможно, это наш главный подозреваемый.

И мы всей компанией, включая дворника, отправились за Барсиком. А тот, как опытный сыщик, вёл нас через двор, мимо детской площадки, к старому сараю на краю участка.

Когда мы подошли ближе, из-за угла сарая действитель-

но выскользнула тень. В руках у неё был тот самый кусочек ткани, который мы нашли в кладовке.

— Стоять! — крикнула Елена Сергеевна. — Полиция!

Тень замерла, потом медленно повернулась. И мы увидели... нашего соседа, который явно не ожидал такого тёплого приёма.

— Ну вот, — пробормотал он. — Опять вы со своими расследованиями.

Барсик, который всё это время шёл впереди, остановился, посмотрел на соседа и... зевнул.

— Похоже, дело закрыто, — сказала Елена Сергеевна. — А кот получает звание лучшего сыщика квартала.

И тут из сарая выскочил Барсик, держа в зубах последний пирожок.

— А как же пирожки? — возмутилась Зинаида Степановна. — Я их для всех принесла!

Но Барсик уже скрылся за углом дома, оставив после себя только лёгкий запах ванили и тайну, которая, возможно, никогда не будет раскрыта полностью.

Глава 7. Сарай, сосед и правда, которая пахнет пирожками

Сосед, тот самый, что выскользнул из-за угла сарая, замер, будто пытался прикинуться частью пейзажа — ну, вроде старой доски или кучи опавших листьев. На нём и правда была тёмносиняя куртка, грубая, поношенная, с оторванной пуговицей. Та самая, от которой мы нашли лоскуток в коробочке.

— Виктор Семёнович? — удивлённо протянула я. — Это вы?

Он моргнул, потёр лоб рукавом и вздохнул так тяжело, будто на нём висел не только этот день, а вообще все дни с начала года.

— Я, — признался он. — Только… вы не подумайте, я не убийца.

Тёща тут же скрестила руки и прищурилась:

— А что тогда ты делал в кладовке? И зачем тебе ткань из коробочки?

Виктор Семёнович поёжился, будто от её взгляда стало холоднее, чем от октябрьского ветра.

— Да не в кладовке я был! — возразил он. — Я… я туда не заходил. Я к сараю ходил. Свой старый ящик искал. А ткань… она у меня из куртки оторвалась. Наверное, зацепился, гдето.

Елена Сергеевна шагнула вперёд, спокойно, но так, что сразу становилось ясно: шутить она не собирается.

— Расскажите всё по порядку, — попросила она. — И без утайки.

Виктор Семёнович посмотрел на нас, потом на Барсика, который устроился на невысоком бордюре и делал вид, что он тут вообще ради свежего воздуха, а не ради расследования. И вдруг, будто найдя в коте союзника, начал говорить.

— Понимаете, — начал он, — у меня в сарае стоял ящик. Старый, деревянный, ещё от отца остался. В нём я хранил всякие мелочи… и коечто важное. А вчера вечером я пошёл туда — и ящика нет. Совсем. Пустота. Я обошёл весь двор, заглянул за кусты, под скамейки… и тут вижу — тень у вашей кладовки мелькнула. Я подумал, может, кто-то ящик мой туда спрятал. Ну, или видел, как его унесли. Вот и подошёл поближе. А потом услышал шаги, испугался и убежал.

Лидия Павловна, которая всё это время стояла чуть позади, вдруг кивнула:

— Так вот кто это был! Я же говорила — тень!

Андрей Петрович достал блокнот и начал записывать.

— А ключик? — вдруг спросила Зинаида Степановна. — Тот, что из корзинки выпал. Он тоже твой?

Виктор Семёнович нахмурился:

— Какой ключик?

Елена Сергеевна достала пакетик и показала ему.

— Вот такой. Бронзовый, с витой бородкой.

Он присмотрелся и вдруг побледнел.

— Это… — прошептал он. — Это от ящика. От отцовского. Я его всегда с собой носил. А вчера… вчера я его точно в карман клал. А потом… не помню. Может, выпал, когда я за кустами прятался.

В воздухе повисла тишина. Только Барсик зевнул и потянулся, будто хотел сказать: «Ну вот, почти всё ясно. А теперь можно и пирожок».

— Значит, — медленно произнесла Елена Сергеевна, — вы искали свой ящик, заметили что-то подозрительное у кладовки, испугались и убежали. А ключик потеряли.

— Да, — кивнул Виктор Семёнович. — Клянусь. Я никого не трогал. И уж тем более дядю Петю… я его вообще почти не знал.

Я посмотрела на мужа. Он стоял рядом, слегка приобняв меня за плечи, и в его взгляде читалось: «Кажется, мы начинаем распутывать этот клубок».

— А банка с «грибами»? — вдруг вспомнила я. — Та, что стояла в кладовке. Она тоже ваша?

Виктор Семёнович замотал головой:

— Нет. Никогда такой не видел.

И тут меня осенило.

— Подождите, — сказала я. — А если… если ящик не просто пропал? Если его ктото специально забрал? И оставил вместо него… улики?

Все посмотрели на меня так, будто я только что сказала,

чтото очень умное. Даже Барсик приподнял ухо.

— Продолжайте, — спокойно сказала Елена Сергеевна.

— Ну, — замялась я, — вдруг ктото хотел, чтобы мы нашли эти вещи? Чтобы подумали на когото другого? Или… чтобы мы вообще ничего не поняли и запутались.

Андрей Петрович хмыкнул:

— Неплохая версия. Иногда лучший способ спрятать правду — это оставить кучу ложных следов.

Виктор Семёнович вздохнул:

— Получается, меня хотели подставить?

— Пока не знаем, — ответила Елена Сергеевна. — Но будем проверять.

В этот момент изза угла дома снова появился Барсик. В зубах у него был не пирожок, а… маленький свёрток. Грязный, потрёпанный, перевязанный бечёвкой. Он подошёл ко мне, положил свёрток к ногам и сел рядом, будто говорил: «Вот. Это важнее пирожков».

Я осторожно наклонилась и развязала бечёвку. Внутри оказалась старая фотография. Потёртая, выцветшая, но на ней можно было разглядеть троих мужчин — и среди них был дядя Петя. Они стояли у того самого сарая, улыбались, а на фоне виднелся тот самый деревянный ящик.

— Это… — прошептала я. — Это же…

Елена Сергеевна взяла фотографию, присмотрелась и вдруг тихо сказала:

— Кажется, мы нашли первую настоящую улику.

Виктор Семёнович наклонился, вгляделся в снимок и вдруг выдохнул:

— Боже… Это же мы. С отцом и дядей Петей. Лет тридцать назад. Мы тогда сарай строили. А ящик… в нём отец хранил документы. Старые, важные. Я думал, они никому не нужны…

Тёща, которая до этого молчала, вдруг сказала:

— Значит, ктото искал эти документы. И подстроил всё так, чтобы подозрение пало на тебя.

Виктор Семёнович кивнул, будто сам только что всё понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.